

На правах рукописи

Сухих Маргарита Павловна

**РОЛЬ НЕОЛОГИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ
ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
РУССКОГО АВАНГАРДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
В. ХЛЕБНИКОВА И Д. РЕВЯКИНА)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург — 2013

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» на кафедре современного русского языка Института гуманитарных наук и искусств.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Казарин Юрий Викторович

Официальные оппоненты: **Купчик Елена Викторовна**

доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», профессор кафедры русского языка Института гуманитарных наук

Енина Лидия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Защита состоится 4 декабря 2013 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д **212.285.22** на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Автореферат разослан « » октября 2013 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Художественное творчество открывает широкие возможности для исследовательских рефлексий относительно тех механизмов, которые составляют природу авторской индивидуальности. Изучение авторской картины мира поэтов русского авангарда предполагает рассмотрение наиболее значимых идиостилевых особенностей, отразившихся в их текстах.

В поэтических текстах В. Хлебникова и Д. Ревякина такой особенностью является активное использование индивидуально-авторских неологизмов, исследование которых позволяет реконструировать авторскую картину мира. В этом видится **актуальность** настоящего исследования.

Лингвокреативная способность, тесно связанная с репрезентацией представлений о мире конкретной языковой личности, проявляется в выходе за пределы норм литературного языка с эстетической и/или эвристической целью. Зачастую такой выход маркируется созданием индивидуально-авторских неологизмов.

Материалом для исследования стали содержащие неологизмы фрагменты поэтических и прозаических текстов В. Хлебникова; поэтических текстов Д. Ревякина. Объем материала – 342 контекста. **Источниками материала** послужили следующие издания.

- Сборник «Велимир Хлебников. Поэзия. Проза. Драматические произведения», изданный в серии «Пушкинская библиотека». Отбор материала производился методом сплошной выборки, критерий отбора текстов – наличие в них авторских неологизмов. Тексты В. Хлебникова ограничены данным изданием сознательно: в случае сплошной выборки по полному корпусу текстов данного автора мы получили бы несопоставимый объем материала (количество опубликованных текстов В. Хлебникова в десятки раз больше количества текстов Д. Ревякина).

- Песенные тексты Д. Ревякина, размещенные на официальном сайте рок-группы «Калинов Мост» (URL: <http://kalinovmost.ru/albums>).

- Книги стихов Д. Ревякина «Гнев Совы» и «Кольца алые».

Объектом исследования стали авторские неологизмы, созданные В. Хлебниковым и Д. Ревякиным и зафиксированные ими в поэтических текстах, **предметом** изучения – структурные и семантические особенности указанных единиц, а также их роль в формировании авторской картины мира указанных поэтов.

Целью работы является сопоставительное исследование структурных и семантических особенностей неологизмов, созданных В. Хлебниковым и Д. Ревякиным, выявлением роли неологизмов в формировании поэтической картины мира.

Цель достигается решением ряда конкретных **задач**.

1. Изучить и обобщить научную литературу по проблемам неологизации в языке и тексте с формулированием определения авторского неологизма, по теории языковой личности, языковой игре.

2. Выявить неологизмы в текстах В. Хлебникова и Д. Ревякина.

3. Произвести словообразовательный анализ неологизмов с вычленением производящей основы, словообразовательного форманта, определением словообразовательного типа.

4. Произвести контекстологический анализ с целью установления/уточнения значения неологизмов.

5. Определить принадлежность неологизмов к денотативно-идеографическим сферам.

6. Сопоставить выявленные особенности авторских неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина и дать интерпретацию полученных результатов.

7. Определить роль неологизмов в формировании картины мира, отраженной в текстах В. Хлебникова и Д. Ревякина.

8. Обобщить и представить результаты исследования.

9. Представить лексикографическое описание авторских неологизмов в идеографическом аспекте.

При решении данных задач использовались следующие методы: 1) количественной обработки материала, 2) морфологической классификации индивидуально-авторских неологизмов, 3) словообразовательного анализа, 4) контекстологического анализа, 5) дефиниционного анализа, 6) компонентного анализа, 7) сопоставительного анализа (сравнение индивидуально-авторских неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина по грамматическому, словообразовательному и семантическому параметрам).

Специфика рассматриваемого в работе материала диктует необходимость междисциплинарного подхода к его анализу. В связи с этим теоретические предпосылки исследования включают в себя положения, сформулированные в работах по лингвистике текста (В. П. Григорьев, Г. О. Винокур, Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин, В. А. Лукин, Р. О. Якобсон и др.), истории и художественной практике русского литературного авангардизма (С. Е. Бирюков, И. Е. Васильев, Р. В. Дуганов, Б. Леннkvист, Н. Л. Степанов, Ю. Н. Тынянов и др.), словообразованию русского языка (Е. А. Земская, В. В. Лопатин, Р. Ю. Намитокова, И. С. Улуханов, Н. А. Янко-Триницкая и др.), неологии и неографии (А. А. Брагина, Н. Д. Голев, Т. А. Попова, Н. З. Котелова, С. И. Тогоева, А. Г. Лыков и др.), идеографии (Л. Г. Бабенко, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин и др.).

Научная новизна работы заключается, во-первых, в анализируемом материале, а во-вторых, в подходе к анализу неологизмов с идеографическими позициями. Результатом проведенного исследования является разработка принципов составления идеографического словаря индивидуально-авторских неологизмов. Традиционно словари индивидуально-авторских неологизмов составляются по алфавитному принципу, что не позволяет рассмотреть семантические связи между речевыми единицами. В то время как идеографический словарь позволяет наиболее адекватно отразить семантику отдельных неологизмов и семантические корреляции между группами единиц.

Теоретическая значимость работы состоит в использовании семантических методов при анализе индивидуально-авторских неологизмов.

Отнесение мотивированных неологизмов к денотативно-идеографическим сферам позволяет сопоставить неологические системы В. Хлебникова и Д. Ревякина не только по формальному, но и по семантическому признаку. Использование идеографического анализа позволяет получить дополнительную информацию о формируемых данными авторами картинах мира, в частности, об их структурировании, о значимых категориях и т.д.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в школьных и вузовских историко-литературных курсах при характеристике тенденций развития авангардной поэзии; в вузовских лингвистических курсах, посвященных словообразованию, лексикологии, тенденциям развития русского языка. Содержащиеся в работе выводы могут быть использованы при комментированном издании произведений русских авангардистов.

Предложенный в данной работе идеографический словарь может стать изданием, облегчающим чтение и дешифровку текстов В. Хлебникова и Д. Ревякина.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре современного русского языка департамента «Филологический факультет» Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Основные теоретические положения и практические результаты докладывались автором на следующих конференциях регионального, всероссийского и международного уровня: «Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков» (Екатеринбург, 2007), «Вызовы глобализации и перспективы человека в современном мире» (Екатеринбург, 2009), «Диалог культур: традиции и новации» (Екатеринбург, 2010), «Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ» (Екатеринбург, 2011). По материалам диссертации опубликовано 7 статей.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 144 наименования, и двух приложений. Общий объем текста составляет 200 страниц.

Положения, выносимые на защиту:

1. Неологизация является базовым принципом поэтического текстотворчества В. Хлебникова и Д. Ревякина.

2. В текстах данных авторов производные (мотивированные) неологизмы в основном создаются традиционными способами, описанными в Русской грамматике, однако словообразование зачастую происходит с нарушением модели (например, через присоединение аффикса к основе другой части речи). В словотворчестве данных поэтов присутствуют отношения наследования (как авторских словообразовательных типов, так и отдельных лексем).

3. В неологизации проявляется индивидуальность авторов. В. Хлебников демонстрирует большую рациональность, ориентированность на демонстрацию возможностей русского словообразования. У Д. Ревякина прослеживается ориентация, с одной стороны, на детальную проработку семантики словообразовательных моделей, а с другой – на игровое переосмысление модели.

4. При образовании произвольных (немотивированных) неологизмов В. Хлебников в основном создает единицы, не имеющие грамматических показателей; произвольные неологизмы Д. Ревякина обладают морфологическими признаками существительных. Два немотивированных неологизма Д. Ревякина используются как отсылка к немотивированным неологизмам В. Хлебникова.

5. Индивидуально-авторские неологизмы, созданные В. Хлебниковым и Д. Ревякиным, играют ведущую роль в построении поэтического текста, формируют особое текстовое пространство, в рамках которого функционируют. Неологизм используется для номинирования или характеристики объекта, имеющего особую значимость для поэтической картины мира указанных авторов.

6. Неологическая разработанность денотативно-идеографических сфер у В. Хлебникова и Д. Ревякина различна. В текстах В. Хлебникова неологически наиболее разработаны и, следовательно, наиболее значимы для его поэтической картины мира сферы «живая природа», «восприятие окружающего мира», «эмоции», а наименее разработаны – «человек как живое существо», «быт», «населенный пункт», «нации», «универсальные смыслы и отношения». Для Д. Ревякина оказываются наиболее актуальны сферы «восприятие окружающего мира», «социальная сфера жизни человека», «эмоции», «социальная деятельность человека», наименее актуальны – «человек как живое существо», «оценка», «нации».

7. «Зону пересечения» картин мира данных авторов демонстрирует лексика, номинирующая и характеризующая человека, но актуализируются разные аспекты. В. Хлебников неологически характеризует человека как часть природы, а Д. Ревякин – человека в системе социальных взаимоотношений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, дается описание материала и методологической базы. Во **Введении** также содержатся сведения об апробации результатов, структуре и объеме исследования.

Глава 1 «Теоретические предпосылки исследования» посвящена изложению основных научных положений, лежащих в основе анализа языкового материала.

В параграфе 1.1 «Проблема определения неологизма» рассматриваются различные теории, в рамках которых осмысливается неологизация как языковое явление. Вслед за Т. В. Поповой и Н. З. Котеловой выделяются «стилистическая», «психолингвистическая», «лексикографическая», «денотативная», «структурная» и «конкретно-историческая» теории неологии.

В рамках стилистической теории, отраженной в работах А. Г. Лыкова, А. В. Калинина и др., под неологизмом понимается единица, употребление которой маркируется ощущением новизны.

Сторонники психолингвистической теории (С. И. Тогоева, Т. Ю. Сазонова, Т. Г. Родионова и др.) определяют неологизм как единицу, не существовавшую ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка.

Лексикографическая теория неологии, представленная, например, в словаре английских неологизмов К. Барнхарта, отталкивается от понимания неологизма как слова, не зафиксированного в современных словарях лексикографируемого языка.

Денотативная теория – одна из самых распространенных теорий неологии, она представлена, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, во втором издании Словаря современного русского литературного языка и многих других. В рамках данной теории неологизм понимается как слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие.

Сторонники структурной теории полагают, что к неологизмам могут быть отнесены слова, которые обладают абсолютной структурной, формальной новизной; обычно это уникальные звуко сочетания, воспринимающиеся как нечленимые, непроеизводные, немотивированные единицы.

Автор конкретно-исторической теории неологии Н. З. Котелова понимает под неологизмами слова, значения слов и идиомы, существующие в данный момент в определенном языке, подъязыке и языковой сфере и не существовавшие ранее в том же языке, подъязыке, языковой сфере.

В параграфе 1.2 «Типологии неологизмов» рассматриваются различные способы классификации неологизмов.

С точки зрения происхождения такие единицы делятся на заимствования и образованные от уже существующих в языке корней по моделям, функционирующим в языке, слова. На границе этих двух групп оказываются единицы, образованные от русских корней по иноязычным словообразовательным моделям, или наоборот, единицы, полученные в результате присоединения к иноязычным корням аффиксов, «родных» для русского языка.

В рамках классификации с точки зрения воспроизводимости и соответствия словообразовательным моделям неологизмы отграничиваются от смежных явлений – потенциальных слов и окказионализмов.

При классификации неологизмов по виду языковой единицы выделяются неолексемы (неологизмы, обладающие как формальной, так и семантической

новизной) и неосемемы (существующие в языке слова, получившие новые значения).

В параграфе 1.3 «Авторские неологизмы как основа языка поэзии авангарда» понятие индивидуально-авторского неологизма соотносится с терминами «неологизм», «окказионализм», «потенциальное слово». В результате в данном параграфе выводится рабочее определение индивидуально-авторских неологизмов. Под ними понимаются создаваемые автором лексемы, именующие некий значимый для поэтической системы автора объект/признак/ситуацию, поэтому в некоторых случаях они имеют такой признак неологизмов, как частотность употребления, повторяемость. В то же время их роднит с окказионализмами жесткая зависимость от контекста и экспрессивность.

Также в данном параграфе обзорно рассматривается авангардистское словотворчество на протяжении XX века в разных культурных пластах (от текстов футуристов до современной рок-поэзии).

Параграф 1.4 «Неологизмы как реализация языковой способности языковой личности» посвящен рассмотрению неологизмов в аспекте лингвокреативной деятельности.

В параграфе освещаются работы В. В. Виноградова, Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, Ю. В. Казарина, Д. О. Морозова и др., связанные с проблемами языковой личности.

Языковая личность реконструируется на основе языковых средств с привлечением экстралингвистической информации. В. Н. Караулов использует понятие «языковая личность» в широком смысле, как инвариантную общерусскую языковую личность, обобщая множество идиолектов. В работах Ю. В. Казарина представлено более узкое понимание этого феномена, на что указывает использование им термина «текстовая личность».

Опираясь на труды Ю. Н. Караулова, можно выделить такие уровни языковой личности, как вербальный (собственно языковой, включающий лексикон и грамматикон), когнитивный (включающий базовые концепты языковой картины мира) и прагматический (отражает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности языковой личности).

Ю. В. Казарин расширяет структуру языковой личности, выделяя дополнительно следующие уровни: антропологический (экстралингвистические параметры: пол, возраст, физиология, психология, биография и т.д.), социальный (социально-политические и экономические условия, в которых находится языковая личность), эстетический (включает художественный метод, школу, направление автора), дискурсный (его единицы – метр, ритм, рифма, строфика, графика и другие паралингвистические параметры).

Между этими концепциями нет противоречия, различия в структуре языковой/текстовой личности объясняются разницей подходов: Ю. Н. Караулов при исследовании феномена языковой личности отталкивается от

языка, в котором функционирует эта личность, а Ю. В. Казарин – от текста, этой личностью порожденного.

По мнению Ю. В. Казарина и Д. О. Морозова, структура поэтического текста изоморфна структуре породившей его языковой личности.

Также в данном параграфе излагается концепция Ю. Н. Караулова, согласно которой человек порождает и понимает тексты не благодаря языку, а с помощью ассоциативно-вербальной сети, в которой «хранятся» элементы лексики и грамматики.

В рамках данной концепции неологизмы относятся к вербальному компоненту языковой личности и соответственно языковой способности. В ассоциативно-вербальной сети неологизмы занимают особое место, т.к. авторский неологизм редко имеет более одной грамматической формы (а именно – той, в которой он реализован в конкретном тексте/текстах): неясно, занимает ли он один «слот» этой сети или в ней потенциально реализованы другие его возможные формы. Авторский неологизм можно считать результатом метаязыковой рефлексии по поводу языковой системы (как правило, ее словообразовательного и/или фонетического уровня), в рамках которой он производится.

Параграф 1.5 «Неологизмы как элемент языковой игры» посвящен языковой игре как аспекту, дающему ключ к пониманию функционирования индивидуально-авторских неологизмов.

В данном параграфе анализируются подходы к языковой игре Л. Витгенштейна и Й. Хейзинги, которые любую деятельность человека, в том числе речевую, рассматривали как игру. Такое сверхширокое понимание языковой игры в современной лингвистике не закрепилось: в работах С. В. Санникова, Н. Д. Арутюновой, Б. Ю. Нормана, Е. А. Земской под языковой игрой понимается речевая деятельность, имеющая эстетическую цель, с установкой на осознанную неправильность, которая должна быть считана адресатом. Исследования Е. Н. Ремчуковой акцентируют внимание на метаязыковом характере языковой игры: она рассматривается как форма рефлексии по поводу той или иной системы языка.

Т. А. Гридина относит языковую игру к креативным кодам художественного текста, полагает, что ее основная стратегия направлена на деавтоматизацию речемыслительных ассоциативных стереотипов. В качестве основополагающих принципов лингвокреативных механизмов, лежащих в основе языковой игры, Т. А. Гридина называет имитативный, аллюзивный и образно-эвристический принципы. В соответствии с этой концепцией индивидуально-авторский неологизм в художественном тексте формируется по образно-эвристическому принципу, поскольку для его интерпретации необходимо понимание читателем того, как именно создан неологизм, какие механизмы лежат в основе формирования такой единицы.

Глава 2 «Морфологический и словообразовательный анализ неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина» посвящена рассмотрению неологизмов данных авторов с точки зрения их морфологической принадлежности и словообразовательных особенностей.

В параграфе 2.1 «Классификация и анализ неологизмов В. Хлебникова» было выявлено, что основную массу неологизмов В. Хлебникова составляют субстантивные неологизмы (75 единиц из 171), которые в основном создаются по моделям, существующим в современном русском языке, описанным в Русской грамматике: сложение, контаминация, префиксация, суффиксация, усечение. Однако в ряде случаев словообразование происходит с нарушением модели (например, при образовании неологизма «изум» глагольная приставка *из-* присоединяется к основе существительного).

Значимой идиостилевой особенностью В. Хлебникова является образование неологизмов с использованием текстоморфов и создание на их основе авторской словообразовательной модели. Например, при членении узуального слова «чертог» на радикасид *черт-* и формант *-ог* В. Хлебников приписывает последнему значение 'вместилище, место обитания' и по такой модели создает неологизмы «соног», «мечтог», «грезог»: «*В соногах-мечтогах Почил он, почему у черты. В чертогах-грезогах Почил он, почему мечты*».

При анализе адъективных неологизмов (30 единиц) не выявлено случаев отступления от словообразовательной системы русского языка. Неологизмы создаются в основном с помощью сложения: для адъективных неологизмов В. Хлебникова наиболее значимо обозначение комплексного признака (например, «(слон) девицедымный», «ведьминскосдобная (пышка войны)», «(в степях) глубокожирных»).

Среди глагольных неологизмов (22 единицы) также не выявлено случаев образования с нарушением модели. Они создаются префиксальным, суффиксальным, префиксально-суффиксальным способом, единичные глаголы образованы постфиксацией. Для образования глагольных неологизмов В. Хлебников нередко использует форманты, характерные для фольклорных текстов, например, *-еньк* («сказатеньки»), *за-* («зазвездать»).

В результате словообразовательного анализа производных неологизмов установлено, что основная цель создания таких единиц – демонстрация возможностей словообразовательной системы русского языка. Вовлечение языковых единиц в нетипичные для них семантические отношения порождает ассоциативные связи, усиливает выразительность поэтической речи.

Кроме того, значимой особенностью системы производных неологизмов В. Хлебникова является использование в качестве производящей основы имен собственных, причем образуемая единица может принадлежать к любой части речи: «бурлючий», «заратустрь», «моцартъ», «эхнатенственно». Такие неологизмы, по мнению В. П. Григорьева, позволяют скоординировать два важных аспекта творчества Хлебникова – словотворчество и мифотворчество.

Произвольные (немотивированные) неологизмы В. Хлебникова, как правило, не имеют показателей, позволяющих установить их морфологическую принадлежность. Это единицы и их сочетания типа «бобэоби», «гзи-гзи-гэзо», «соб леле», «жун-жан», «пиц пацо», «руахадо

рындо рындо». Они не имеют ни лексического, ни грамматического значения, и их оппозиции формируются на основе фоносемантической. Попытки установить значение таких единиц основаны на фонетических ассоциациях, рождающихся в сознании читателя, например, Б. Леннkvист полагает, что оппозиция звуков [д]-[т] в таких неологизмах воспринимается как пара, символизирующая жизнь и смерть.

Однако в текстах В. Хлебникова присутствуют немотивированные неологизмы, характеризующиеся наличием русских морфем: «дызга синей хляби», «мы веем и плещем болого». Такие единицы носят в основном игровой характер: читателю предлагается самостоятельно наполнить их смыслом, опираясь на контекст и морфологическое значение.

В параграфе «2.2 Классификация и анализ неологизмов Д. Ревякина» выявляются словообразовательные и морфологические особенности неологизмов указанного автора.

При анализе производных неологизмов было установлено, что на уровне морфологии выявляется важная идиостилевая черта Д. Ревякина: в его текстах преобладают субстантивные неологизмы (103 из 137 единиц) и практически отсутствуют адъективные (3 единицы). На этом основании делается вывод о том, что неологизмы в текстах Д. Ревякина выполняют номинативную функцию, а характеризующая – редуцирована. Этот вывод коррелирует с гипотезой А. Курбановского, который полагает, что лирический герой Д. Ревякина выступает первономинатором окружающего мира, познает мир с помощью слова.

Словообразование субстантивных неологизмов производится в текстах Д. Ревякина, как и в текстах В. Хлебникова, в основном по моделям, традиционным для русского языка, однако его неологические поиски не имеют целью демонстрацию возможностей словообразовательной системы языка. Разнообразие формантов, используемых для образования новых слов, в его текстах меньше, чем в текстах В. Хлебникова, но активно переосмысливается семантика аффиксов.

Так, например, произошло с суффиксом *-ень*, который используется для создания неологизмов со значением носителя процессуального признака: «стрижень» («*Повенчать стрижень лучами, смех водворить Взмахом в задворки сна*»), пространства: «запутень» («*В медь заключен белым ключом, Дурнем завернул тропу в запутень*»), отвлеченного признака: «уверень» («*Лапу полога Сбросил с глаз, Пробудил уверень доли*»), предметности: «чурень» («*Свысока ждет Солнечный чурень*»). Активное использование слов с этим суффиксом (как существующих в языке, так и созданных автором) отчасти обусловлено необходимостью рифмовки (тогда возникают нагромождения вроде «*В ночь замерзает выпарень: Не зря меня три дня ругал Его глазень и помнил в усолень*»), отчасти игрой с читателем и/или слушателем: когда обнаруживается множество подобных единиц, становится трудно отграничить неологизм от существующего в языке слова. Это

побуждает к размышлению над текстом и провоцирует неожиданные ассоциативные связи между словами.

В текстах Д. Ревякина выявлен один неологизм, образованный от имени собственного: «велимирка» («*велимирок щебет*»), использование имени В. Хлебникова в качестве мотивирующего слова, по нашему мнению, является маркером значимости влияния поэта на творчество Д. Ревякина.

Одним из наиболее спорных способов словообразования в текстах Д. Ревякина мы можем назвать переразложение единицы (его отличительная особенность: реализуется только в звучащем тексте, поэтому мы не найдем таких случаев в непесенных текстах). Это такие текстовые единицы: «*вед уныль*» (при пропевании строки это звучит как «ведуны ль») и «*не можешь согбена встать*» (соответственно «не можешь согбенно встать»). Спорным является сам факт отнесения подобных единиц к авторской неологизации (хотя в написанной строке неологизмы, несомненно, присутствуют), возможно, это неосознанное фонетическое стечение или просто речевая игра.

Глагольные неологизмы (26 единиц) в текстах Д. Ревякина образуются префиксальным, суффиксальным, суффиксально-постфиксальным способом. Их семантика определяется тем, к какой части речи относятся мотивирующие слова. Например, глаголы, мотивированные существительными, имеют значение 'становиться подобным тому, что названо производящим словом' («хрустальиться»: «*И слезы седых воевод хрустятся в камень*»). Глаголы, мотивированные глаголами, используются для указания на изменение характера действия по сравнению с производящим словом (например, в неологизме «жгнуть» («*Может, станешь мне Расцаревной, Может, ядом жгнешь – Подождем*»)) реализуется значение однократности, а в неологизме «отсмеять» («*Помни меня, Я свое отсмеял*») – завершения действия).

Среди глагольных неологизмов Д. Ревякина был выявлен случай заимствования лексемы, созданной В. Хлебниковым – «свиреть», в тексте она используется с частичным сохранением контекстного окружения (В. Хлебников: «*И я свирел в свою свирель*»; Д. Ревякин: «*Не свиреть в свирель веленьем!*»).

Адъективные и наречные неологизмы представлены единичными лексемами, о системности способов словообразования в этих группах неологизмов говорить невозможно.

Произвольные неологизмы Д. Ревякина отличаются от аналогичных образований В. Хлебникова: как правило, они имеют грамматическую семантику – показатели имен существительных. Произвольная неологизация используется для создания псевдотопонимичных номинаций – обозначений, не существующих на реальной географической карте. Они номинируют реки (например, Дарза, Скандза), горы (Пояс Ульчи).

В текстах Д. Ревякина выявлены два произвольных неологизма, генетически родственных произвольным неологизмам В. Хлебникова: это слова «венч» и «очь», выполняющие функцию заклинаний. Очевидно сходство этих неологизмов с возгласом «Манчь!», издаваемым умирающим

Эхнатеном, в повести В. Хлебникова «Ка», и в этом мы склонны видеть еще одно интертекстуальное пересечение рассматриваемых поэтов. Однако их отнесение к немотивированной лексике может быть оспорено. Например, семантика контекста позволяет предположить соотнесение неологизма «венч» как со звукоподражательной передачей звона бубна, так и с глаголом «венчать»: *«Кто помнит спетого скорыми петлями! Венч! Скорбная ягода скормлена загодя! Венч! Долгие хлопоты утро прохлопали! Венч! Венч! Венч!»*.

В тексте главы 3 «Семантический анализ неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина» отражен анализ неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина с точки зрения их денотативной отнесенности. На основании результатов словообразовательного и контекстуального анализа было определено значение неологизмов, в соответствии с которым они были отнесены к денотативно-идеографическим сферам в соответствии с идеографической сеткой Словаря-тезауруса синонимов русской речи под ред. Л. Г. Бабенко.

Параграф 3.1 «Описание и интерпретация идеографической сетки неологизмов В. Хлебникова» содержит анализ денотативной отнесенности неологизмов В. Хлебникова с учетом системных отношений внутри каждой сферы.

В результате анализа установлено, что денотативно-идеографическая сфера «неживая природа» представлена оппозицией *земное («(в степях) глубокожирных»)* / *небесное («(радугой) стожарною», «небатая (тонеба меня в нея)»* и др.). Второй компонент оппозиции представлен большим количеством неологических единиц, что говорит о его значимости для поэтической системы автора.

Сфера «живая природа» делится на две подсферы: «растительный мир» и «животный мир», первая из которых представлена номинациями леса, а вторая – номинациями и характеристиками живых существ, причем антропоморфные существа соседствуют с зооморфными. Неологизмами может характеризоваться как облик живого существа в целом (*«(слон) девцедымный»*), так и отдельные его части (*«бурлючьего (глаза)», «девий (лик)»*). Большое количество неологизмов используется для именования и характеристики волосяного покрова человека и животных: *«вечерогривы (кони)», «утровласа (дева)», «крикудри», «криволосы»* и др.

Сфера «эмоции», также активно разрабатываемая В. Хлебниковым, репрезентирует как собственно обозначение эмоций (*«яроба», «волноба», «любяться», «гордизна»*), так и их внешнее проявление (*«улыбенеть», «иссмеять», «рассмеяльно»* и т.д.). Эмоции, которые неологически наиболее проработаны, – веселье, любовь, гордость.

Денотативно-идеографическая сфера «речь» представлена неологизмами, обозначающими звучащую речь (например, *«звучаль»*: *«Конечно, правда взяла звучалью уста того, кто сказал: слова суть лишь слышимые числа нашего бытия»*) и осмысление сущности слова как продукта речи (например, *«словля»*: *«Словля никнет скатами слов в бездну влажную...»*).

В сфере «интеллект» выделяются семантические группы неологизмов «интеллектуальные свойства личности» (например, «изум»: «*изум - выпрыг из бытового ума*»), «процесс воображения» («огрезить»: «*Цветы огрезят вам новоселье Тебе, невеста! Тебе, жених!*») и «процесс познания» (демонстрируется чтение как способ познания чрез неологизм «восчла»: «*И в первом разобранном свитке Восчла роковое письмо*»).

Большое количество неологизмов репрезентирует денотативно-идеографическую сферу «восприятие мира». Из семантики неологизмов очевидно, что они характеризуют пространство («грезог», «соног», «мечтог») и время («(жизненный) выдел»), а также демонстрируют зрительную («аль», «сизь») и звуковую (представленную оппозицией звучания («двузвонкий», «закричальность») / молчания («немливо», «немный»)) картины мира.

Другие сферы неологически разработаны существенно меньше и имеют меньшую идиостилевую значимость.

Параграф 3.2 «Описание и интерпретация идеографической сетки неологизмов Д. Ревякина» содержит анализ денотативной отнесенности неологизмов Д. Ревякина с учетом системных отношений внутри каждой сферы.

Статистические данные показывают, что в текстах Д. Ревякина отсутствуют неологизмы со значением оценки, этот вывод коррелирует с крайне незначительным количеством адъективных неологизмов, которые чаще всего используются для выражения оценки.

Денотативно-идеографическая сфера «эмоции» представлена неологизмами, отображающими оппозицию *смех/слезы*. Первый член оппозиции репрезентирован, например, лексемами «отсмеять» («*Слышишь, помни меня, Я свое отсмеял!*»), «щербатиться» («*Лица щербатятся: дай!*»); второй – например, неологизмами «взрыд» («*Взрыд - узнавать гостей*»), «орось» («*Петь на ресницах орось*»).

Другой значимой оппозицией, представленной неологизмами, является оппозиция *радость/горе*: «радея» («*Дарил радею волховать*») / «горелив» («*Уронить плите В горелив орды Усмех ульчан*»).

Особняком от таких оппозиций стоят неологизмы, используемые для обозначения гнева («гневень»: «*Изрыгать гневень*», «ярень»: «*Следом полощется Ярень-урочища, Горени не учел*»), они не формируют семантического противопоставления с неологизмами, реализующими антонимичное значение в тексте.

Денотативно-идеографическая сфера «социальная сфера жизни человека» представлена неологизмами, относящимися к подсферам «поведение человека в обществе», «существование в социуме и образ жизни».

Поведение человека представлено разным набором действий. Например, разрушительные действия обозначаются с помощью глаголов «ураганить» («*Ураганил птенцом, Брызги бился звенеть...*», «*Ураганил безответно, Взгляду верил наугад*»), «зорить» («*Сгинуть поклоном навеки, Зорить,*

вернуться чужим...»). Социально ориентированное поведение, направленное на объединение, обозначается глаголом «сворить» («Сворил вепрем Заспанным, Увлёк тропой латаной Искать крайню склоны радуги Зимними ночами»).

Подсфера «существование человека в социуме» демонстрируется неологизмами, обозначающими людей, выполняющих какую-либо функцию, например, функцию вожака – «вожарь» («Вдоху зары замерзали Хриплым криком вожарей»), лентяя, лодыря – «лясырь» («Ясного лясыря грудил костры зазря»), неудачника – «горемыт» («И обмолвился ей, горемыт, бубенцом»).

Денотативно-идеографическая сфера «социальная деятельность» представлена у Д. Ревякина неологизмами, относящимися к семантическим группам «религия» («открестить», «чурень» в значении 'деревянный идол'), «экономика» («бедень» - состояние бедности: «Был бы день вернуться обратно, Смыть бедень промоиной лет»), «искусство» («песнелов»: «Не нарушить ряд Россыпи велят: Мерьте шаг, песнеловы!») «медицина» («расцелебный»).

Одна из наиболее неологически разработанных сфер в текстах Д. Ревякина – «восприятие окружающего мира». Она представлена неологизмами, обозначающими предметность, пространство, время, форму и структуру объектов.

Наиболее крупный блок неологизмов характеризует само пространство и размещение в нем объектов. Пространство характеризуется через оппозиции. Так, оно может быть:

- своим («станово»: «Девочка летом слушала гром, В станове молний писала альбом») и чужим («дремучень»: «Предрассветный сон пророчит рубеж; За ним - пустота, Дремучень»);

- замкнутым («укром»: «Осталось когти обрубить И лечь на дно в укрое, Виском о камень») и открытым («прогал»: «В осень зовет Арей Гулом копыт забрезжить, Выбелить свистами мимо ресниц прогал»);

- горячим («высолонь» - 'выжженное солнцем': «Серебрится ветрами высолонь, Щетинится пашня пырьем»; у данного неологизма может быть прослежена двойная мотивация – от «солнце» и «солить», в таком случае «горячее» пространство будет обладать признаком «солености») и холодным («снегарь»: «Петь голосам нейметя, - Тень возвращать в снегарь»).

Другие сферы неологически разработаны существенно меньше и имеют меньшую идиостилевую значимость.

В **Заключении** подводятся итоги и излагаются выводы, сделанные в ходе исследования.

В ходе анализа материала выявлены грамматические и словообразовательные особенности неологизмов, созданных В. Хлебниковым и Д. Ревякиным.

К общим для исследуемых авторов особенностям можно отнести создание большинства неологизмов на основе существующих в русском языке моделей и относительно небольшого количества произвольных неологизмов.

В качестве различий можно назвать, во-первых, создание Д. Ревякиным неологизмов способом, не зафиксированным в русской грамматике – фонетическим переразложением единицы в звучащем тексте (у В. Хлебникова нет производных неологизмов, созданных способами, не описанными в русской грамматике). Во-вторых, у Д. Ревякина есть наиболее продуктивная словообразовательная модель, на основе которой создано почти 15% всех его неологизмов – это суффиксация с использованием суффикса *-ень*, для В. Хлебникова такой предпочитаемой модели не выявлено. В-третьих, очень важным различительным признаком оказалось разделение неологизмов на группы по грамматическому признаку. Частотное частеречное распределение неологизмов В. Хлебникова приблизительно соответствует языковой пропорции с небольшим увеличением удельного веса прилагательных, для Д. Ревякина, наоборот, характерно крайнее редуцирование прилагательных и наречий.

Целесообразно отметить особенности неологизации на уровне словообразования, наследуемые Д. Ревякиным у В. Хлебникова. Наследование может происходить как на уровне заимствования отдельных лексем, так и на уровне актуализации словообразовательной модели, нечастотной для языка (например, суффиксация с использованием суффикса *-об*: «грезоба», «волноба» у В. Хлебникова и «дароба» у Д. Ревякина).

В результате семантического анализа были выявлены особенности значений неологизмов, созданных В. Хлебниковым и Д. Ревякиным. Поэтическая картина мира данных авторов формируется с помощью неологизмов, маркирующих в текстах значимые объекты, их признаки, ситуации. Роль неологизмов, с одной стороны, заключается в привлечении внимания читателя к интересующему автора феномену, а с другой – в воздействии на сознание читателя. Чем больше в текстах авторов неологических единиц со сходными значениями, тем большую значимость для них имеет денотативно-идеографическая сфера, которую они описывают.

Разделение неологизмов на денотативно-идеографические сферы показало, что неологическая разработанность разных сфер у исследуемых авторов существенно различается.

Особенно важными для В. Хлебникова оказываются сферы «живая природа» (46 неологизма), «восприятие окружающего мира» (30 неологизма) и «эмоции» (22 неологизма), а практически неразработанными (представленными одним неологизмом или не представлены вовсе) – «человек как живое существо», «быт», «населенный пункт», «нации», «универсальные смыслы и отношения». Для Д. Ревякина оказываются наиболее актуальными сферы «восприятие окружающего мира» (34 неологизма), «социальная сфера жизни человека» (16 неологизмов), «эмоции» (13 неологизмов), «социальная деятельность человека» (13 неологизмов); неактуальными оказываются сферы «человек как живое

существо», «оценка» и «нации». Актуализация денотативно-идеографических сфер связана с авторской установкой: для В. Хлебникова оказывается наиболее важным описание мира и живущих в нем существ, причем значимым является описание как внешнего вида, так и внутренних особенностей. Д. Ревякина в наибольшей степени интересует «место в мире» его персонажей, и он обозначает его неологически (как хронотопическую, так и социально ориентированную его стороны).

Наиболее значимой зоной пересечения в неологических системах данных авторов является описание человека, однако их интересуют разные аспекты: Д. Ревякин встраивает человека в систему социальных отношений, В. Хлебников исследует его как часть природы.

Семантические особенности неологизмов связаны с системными отношениями внутри неологической системы. Для неологизмов В. Хлебникова наиболее характерны отношения «скорнения», или семантической общности однокоренных лексем, куда попадают неологизмы разных денотативно-идеографических сфер (например, неологизмы с корнем *смех/смеј* попадают в денотативно-идеографические сферы «Живое существо», «Эмоции», неологизмы с корнем *грез* – в сферы «Восприятие окружающего мира» (группу «пространство»), «Социальная деятельность» (группу «Религия»), «Эмоции»). В ряде случаев случаях внутри денотативно-идеографической сферы репрезентируется оппозиция (например, земное/небесное для сферы «Неживая природа», молчание/звучание для сферы «Восприятие окружающего мира» (группа «Звуковая картина мира»)), эти оппозиции носят мифологический характер. Неологизмы Д. Ревякина регулярно вступают в отношения семантических оппозиций внутри групп, характерные для мифологического мышления (например, пространство: свое/чужое, предмет: сакральный/профанный), также характерна для них антонимия между отдельными лексемами, гораздо реже встречается синонимия и многозначность.

Кроме того, отличаются особенности тропов, созданных на базе неологизмов. Лексемы, созданные В. Хлебниковым, часто реализуют олицетворение абстракции и опредмечивание абстракции, для неологизмов Д. Ревякина более характерно олицетворение натурфактов и метафоризация при осмыслении семантики неологизмов (неологические единицы часто встречаются именно в составе метафоры).

Общая семантическая особенность неологизмов В. Хлебникова и Д. Ревякина: некоторые из них могут быть отнесены одновременно к нескольким денотативно-идеографическим сферам. В ряде случаев это связано со способом словообразования: неологизмы, образованные сложением, обладают одновременно семантикой двух корней, и иногда бывает сложно определить, какое значение доминирующее. Иногда это связано с контекстуальной семантикой, каковая обуславливает двойственность значения неологизмов. В единственном случае это связано с проблемой установления мотивирующего слова.

В качестве перспектив исследования можно обозначить проведение этимологического анализа производных неологизмов для уточнения семантических связей внутри денотативно-идеографических сфер и между ними, фоносемантическое исследование неологизмов с целью выявления особенностей их восприятия, а также подробное рассмотрение синтаксических конструкций, в которых встречаются неологизмы.

**Основное содержание работы и результаты исследования
отражены в следующих публикациях:**

Статья, опубликованная в рецензируемом научном журнале, определенном ВАК РФ:

1. Сухих, М. П. Словообразовательные типы субстантивных неологизмов в поэтических текстах Д. Ревякина / М. П. Сухих // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2013. № 3. С. 230-237 (0,6 п.л.).

Другие публикации:

2. Беспамятных (Сухих), М. Лексические неологизмы в поэзии Д. А. Ревякина / М. Беспамятных // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь; Екатеринбург, 2007. Вып. 9. С. 76-79. (0,1 п.л.).

3. Сухих, М. П. Неологизмы как основа поэтического языка авангарда (на материале поэзии В. Хлебникова и Д. Ревякина / М. П. Сухих // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э. В. Кузнецовой, 8-9 нояб. 2007 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 115-117. (0,1 п.л.).

4. Сухих, М. П. Псевдотопонимы в поэтической картине мира Д. Ревякина / М. П. Сухих // Слово — текст — смысл : сб. студен. науч. работ / Урал. гос. ун-т, [Филол. фак.]. Екатеринбург, 2008. Вып. 3. С. 137-139. (0,1 п.л.).

5. Сухих, М. П. Псевдотопонимичные номинации в поэтической картине мира Д. Ревякина: конструирование новой утопии / М. П. Сухих // Вызовы глобализации и перспективы человека в современном мире. Тезисы докладов и сообщений научной конференции студентов-стипендиатов оксфордского Российского фонда, 23-24 апреля 2009 г. В 2-х томах. Т. 2. Екатеринбург, 2009. С. 333-335. (0,1 п.л.).

6. Сухих, М. П. Авторский неологизм в поэтическом тексте как маркер традиции и новации / М. П. Сухих // Диалог культур: традиции и новации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции студентов — стипендиатов Оксфордского Российского Фонда. Екатеринбург, 2010. С. 214-217 (0,1 п.л.).

7. Сухих, М. П. Идеографический словарь авторских неологизмов как лингвистическая проблема / М. П. Сухих // Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 29 сент. – 1 окт. 2011 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. А. М. Плотниковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 157-160 (0,2 п.л.).